

Рок-соната: «Баркентина Кейф»

Allegro: part 1

«Стая белых облаков»

Александр Кифф

Гр. «Баркентина Кейф»

Действующие лица:

Автор.
Александр Кифф
(Липтев) — бас-гитара

Серж Заправский
(Безматерных, Берст)
— вокал, губная
гармошка, ритм-гитара

Женек (Евгений
Какорин) — барабаны

Гром (Евгений
Громилли) — соло-
гитара

Леха (Алексей
Кормин) — ритм-
гитара

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рок-соната: "Баркентина Кейф"

Александр Кифф

**Рок-соната: "Баркентина Кейф".
Part I. Allegro. Стая белых облаков**

«Автор»

2026

Кифф А.

Рок-соната: "Баркентина Кейф". Part I. Allegro. Стая белых облаков
/ А. Кифф — «Автор», 2026 — (Рок-соната: "Баркентина Кейф")

Провинциальный басист мечтает создать рок-группу и выступить на фестивале. У него нет ни денег, ни опыта, ни-че-го. Зато есть:— Игнат, который набивает на его руке тату в виде шара (а шар — это философия).— Серж, который подаёт заявку на фестиваль, не имея группы. И вообще тянет его в разные авантюры.— Гром, который говорит «слишком громко, слишком тихо, слишком быстро, слишком медленно».Рок-соната в трёх частях. С увертюрой, двадцатью двумя риффами, каденцией и кодой. И подвалом, полным воды, где эта история начинается.«Если вы думаете, что создать рок-группу легко, вы либо никогда не пробовали, либо у вас есть деньги.»

© Кифф А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Настройка инструментов	5
Либретто.	6
Part I - Allegro: «Стая белых облаков»	9
Ouverture.	10
Riff №1: Игнат. Или долгое ожидание старта.	12
Riff №2: Серж. Или как одно объявление может перевернуть жизнь.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рок-соната: "Баркентина Кейф". Part I. Allegro. Стая белых облаков

Настройка инструментов

В прошлой жизни, когда Земля была плоской, а музыка продавалась на кассетах, я играл на бас-гитаре в группе «Баркентина Кейф».

Да-да, я был тем самым парнем, который стоял слева от барабанов и ждал, когда же вокалист отойдёт от микрофона и перестанет купаться в софитах.

Если вы думаете, что создать рок-группу легко, то вы либо никогда не пробовали, либо у вас есть деньги. У нас не было ни опыта, ни денег, ни-че-го.

И вот спустя почти тридцать лет я случайно обнаружил на антресолях коробку с реликвиями: затёртые демки, афиши и фотографии, где у всех такие смешные причёски.

Но в этой коробке сохранились не только эти артефакты, там сохранился... Дух. Дух времени, Дух авантюры, Дух молодости и творчества.

Я сделал глубокий вдох, чтобы его ухватить. Поймал. Задержал дыхание. Пришлось сдерживать кашель — Дух рвался наружу. Именно в этот момент вспомнил свой план. А ещё дневник, судовой журнал в одном лице. Вот ему-то в этой коробке было самое место.

Аккуратно отнёс находку на стол. Надел очки, чтобы рассмотреть первое фото группы. Огляделся. Открыл ноутбук и поставил её перед экраном. Вдруг экран стал светиться. Оказывается, ноут был в спящем режиме. Это разбудило Духа, которого я таки удержал.

— Пиши, — сказал он.

— Что писать? — опешил я.

— Я же знаю, что тебе есть, что рассказать.

Да уж, наших приключений хватило бы не на одну книгу.

— Но я же не писатель. С детства ненавидел сочинения.

— А кто сказал, что это должно быть сочинение, тем более школьное?

— Ну ты же сказал пиши, — я положил фото рядом и создал вордовский файл.

— Ты — музыкант. Вот и пиши музыку. Никому неинтересны твои мемуары, тем более исповедь о грехах молодости.

— Балладу что ли писать? Или нет. Рок-балладу.

— А слабо сонату? Или... хм, — Дух усмехнулся. — Рок-сонату.

— Как Бетховен? — я выпрямил спину.

— Э, брат. Ну ты замахнулся. До Бетховена тебе... Короче, не дурак — сам понимаешь.

— И как мне её писать, если не как маэстро?

— Пиши, как положено. Экспозиция. Разработка. Реприза.

— А внутри?

— Внутри — ностальгия без соплей. Честные истории о группе. Как вас кидали, как летали зайцами на самолёте, как ошибались, но продолжали играть.

Дух задумался и добавил:

— Немного выдумки добавь только — для красоты мелодии.

Я посмотрел на чистый лист файла, расположил пальцы над клавиатурой, будто это фортепьяно и наиграл на ней первое слово - Либретто.

Либретто.

«- Ты это серьёзно?

- Что?

- Ну... либретто?

- Да. А что в этом такого?

- Просто я думал ты будешь рассказывать свои забавные истории.

- Тогда это будет сборник баек, а мы же пишем рок-сонату.

- И что это меняет?

- Я хочу немного подготовить нашего слушателя. Дать ему... путеводитель что ли.

- Это как?

- Что-то вроде оглавления, но ведь это будут сплошь музыкальные термины. Давай хотя бы поясним, что они значат.

- Ты хочешь начать с колыбельной и уложить спать свою публику?

- Вот и подумай, раз такой умный, как сделать, чтобы было понятно, не скучно и полезно».

Я почесал в затылке:

«Он, вернее я, прав. Объяснять скучно. Не объяснять — непонятно. Ладно, попробуем так».

Архитектоника — это у меня будет вместо оглавления, или, если хотите, музыкальная программка.

А что из себя будет представлять Рок-соната? Как её, кстати, назвать?

Рок-соната «Баркентина Кейф».

Значит будем делать сонату из трёх частей. Ага, прям как «Лунную».

Part I- Allegro: «Стая белых облаков»- первая часть сонаты, та самая, что у тебя сейчас в руках. О! Это будет скорость, драйв. Аллегро, одним словом.

«- Вроде получается. А потом что?

- А потом начало.

- И с чего у тебя будет начинаться начало?

- Ясен пень, с конца.

- С конца чего?

- С конца — начала. Или... да что ты меня путаешь!»

Ouverture (Увертюра)— это как заглянуть в конец (хорошо не детектив делаю). Но всё равно — загадка, которую я и буду раскрывать. Как раз и объясню, как я дошёл до такой жизни.

«- Какая, на хрен, увертюра в сонате? Тебя кто учил музыку писать?

- Ммм... Наверное, *DeerPurpleu LedZeppelin*. И вообще это же рок — тут свои правила. Лучшие напомни, что там Дух вещал про сонату?

- Нужна Экспозиция, Разработка и Реприза.»

Exposition (Экспозиция)- Герои по одному входят в зал. Свет ещё толком не погас, аппаратура фонит. В общем, всё как обычно.

«- А теперь что? Главы?

- Какие в сонате главы? Фразы. Или нет — гитарные риффы. В прозе. Такие, чтобы громко и чтобы запомнились.»

Riff №1: Игнат.

Или долгое ожидание старта.

Riff №2: Серж.

Или как одно объявление может всё поменять.

Riff №3: Гром.

Или почему рыжий — это слишком.

Riff №4: Лев.

Или как мы нашли барабанищика — «Не ваше дело».

Riff №5: За неимением гербовой...

Или как мы получили подвал вместо славы.

«- Героев мы показали. Идею тоже. Давай отдохнём?

- Пиво?

- И пиво тоже.»

Interlude №1 (Интерлюдия №1) - антракт, только без буфета. Герои меняют декорации.

Développement №1 (Разработка №1) - это когда всё идёт не по плану. А плана, как вы понимаете, не было. Ха. Не было даже нормального названия группы.

Riff №6: «Три шампура».

Или как мы остались без Игната.

Riff №7: Шалом, ребята.

Или как один спор разрушил планы, но спас музыку.

Riff №8: Женёк.

Или шаман ударных.

Fantaisie №1: Якутия.

Или как улететь на самолете зайцами.

«- Что за фантазия?

- А ты что забыл? Не было бы Якутии, возможно, не было бы и ничего остального.»

Фантазия — это сюжетная ветка, которая живёт по своим законам. Только не спрашивайте зачем. Потом поймёте.

Interlude №2 (Интерлюдия №2) — теперь герой в быту с женой и собакой — чем не старость? Ан нет.

Développement №2 (Разработка №2) — а это будет столкновение и развитие тем и героев. И группа, которая наконец-то начала играть.

Riff №9: Знакомьтесь, Даша.

Или почему филологи понимают музыку лучше музыкантов.

Riff №10: «Харлей Блюз».

Или как провал стал подарком.

Riff №11: Соло для саксофона.

Или «Твоя последняя уловка».

Riff №12: «Источник жизни».

Или как я приобрёл спутника.

Riff №13: Анонс.

Или как мы вышли из тени.

Riff №14: Музыкальный ринг.

Или «У вас тут не хватает реверберации!»

Riff №15: «Найди себя».

Или почему чужую музыку не сыграешь.

Riff №16: Лёха.

Или бойся своих желаний.

Riff №17: Рок-н-ролл жив.

Или 20 минут славы.

Interlude №3 (Интерлюдия №3). В сонате пауза нужна, чтобы следующий аккорд прозвучал громче. Здесь то же самое. Даже когда вместо гитары — топор мясника.

Postludium cum cadentia et reprise (Постлюдия с каденцией и репризой). Короче, это когда кажется, что всё кончено. Но поезд ещё стоит на перроне. Ждёт героев.

Riff №18: Человек без чувств.

Или как украсть миллион.

Riff №19: Ресторан «Родник».

Или почему музыкальное сопровождение не считается концертом.

Riff №20: Игра окончена.

Или дуэт, который не сдался.

Riff №21: Цена выбора.

Или филологи не плачут.

Riff №22: Планирование.

Или «я, все же, не поеду»

Cadence (Каденция): Муки выбора.

Или как достичь уровня *Scorpions*.

«- Ты и каденцию добавил?

- А то. Нужно же соло басиста.

- И что после этого соло?

- Прощаемся. Герои повзрослели. Мечты – тоже».

Reprise (Реприза): Прощальный аккорд.

Или как корабль готовится к отплытию.

Coda (Кода): Вокзал.

Или продолжение следует.

У нас это не финал. Это пауза перед *Andante*. И можно выдохнуть. Но недолго. Впереди ещё две части.

PartII- Andante: «За 80 песен вокруг света» (Драйв сменился выживанием. Бежать больше некуда, но и стоять нельзя. Идём. Шагом.)

PartIII- Moderato: «Соло одной ноты» (Пусть темп теперь умеренный. Жизнь на пониженных оборотах. Герои уходят, но драки, диалоги и абсурд никуда не делись.)

Apotheosis (Апофеоз). (финал, в котором вода уходит из подвала. А что остаётся — не спрашивайте. Читайте. Вернее, слушайте)

А ведь получилось. Действительно, соната, да ещё в трёх частях. Я выпятил грудь и посмотрел в зеркало — чем не Бетховен? Из зеркала самодовольный тип с глупой улыбкой покачал головой. Тогда я закинул руки за голову и откинулся на спинку стула: «О-о-ой! Спина. Вот похождения по электричкам с басом, аккумулятором и колонками сказались».

- Оленька, радость моя. Готовь свои волшебные уколы.

Оля подошла, еле слышно положила свои руки с длинными, красивыми пальцами мне на плечи:

- Опять тяжести таскал?

- Ага, - улыбнулся я. — Груз десятилетий.

- Ну иди, готовь место для уколов.

Я поднял вверх палец:

- Волшебных уколов.

- Место волшебное готовь, - подтолкнула она меня в плечо.

Part I - Allegro: «Стая белых облаков»

Город Юности зрелость мечтам моим светлым придал.

Ouverture.

*В плену, как в мутной воде, где рыба не проживет,
Как в латаргическом сне — живем под Богом. Живем.
Сегодня мне повезло: взял под процент кислород,
Да завтра будет тепло. Бог даст и Бог заберет.
С. Безматерных*

*Тверь. Где-то конец мая — начало июня, 2010 г. Хотя... какая разница.
Я стоял в одних трусах на пороге подвала.*

Холодный бетон под босыми ногами. Воздух пах плесенью и ещё кое-чем. Сделав глубокий вдох, понял — канализацией.

Мутная вода доходила до третьей ступеньки. Рядом валялась смятая сигаретная пачка. Пустая, как мои надежды этим утром.

И тишина.

Ещё вчера здесь был магазин хозтоваров. А также мой дом. Да что там дом — жизнь. Сегодня... бассейн.

«Надо же, теперь у меня свой бассейн. С таким подходом к жизни я мог бы стать миллионером».

Но вместо этого стал музыкантом.

Там, внизу, осталось всё, что у меня было. А главное — моя бас-гитара. Та самая, которую когда-то дали в баптистской общине. Я представил, как она стоит сейчас там, внизу. Струны гудят от напора воды. Хотя нет. Скорее молчат. Она всегда была молчаливой, пока я не брал её в руки. А я брал. Много лет. И тогда она пела.

Психологи говорят, я должен пройти пять стадий принятия неизбежного.

Я пролетел их минут за десять. Ну, может, одиннадцать.

Стадия первая: Отрицание.

— Не может быть, — сказал я вслух.

«Конечно не может,» — подтвердил мозг. «Это сон. Очень реалистичный сон».

Я даже ущипнул себя. Больно.

Вода не исчезла. И Серж не хлопнул меня по плечу:

— Не кисни, крёстный. Это временно. Вот увидишь.

— Затянулся сон.

Я перешёл к следующей стадии.

Стадия вторая: Гнев.

Пнул стену. Нога отозвалась тупой болью. Стена... а что стена.

— Сука, — выдохнул я.

Хотел пнуть её ещё раз. Но передумал. Срываться на стене — глупо. Она же не виновата, что я выбрал не ту дверь. А может, и не ту жизнь.

— И на кого теперь злиться? На себя?

Стена не ответила.

Стадия третья: Торг.

В голову пришла безумная идея: спуститься вниз, нырнуть и пооткрывать все задвижки. Вдруг вода уйдёт.

Я начал лихорадочно раздеваться. Женщина с сумками отвернулась. Мужик с собакой покачал головой. Пёс одобрительно вильнул хвостом.

Хорошо, инстинкт самосохранения взял верх.

«Я собираюсь плыть в канализации. Отличная идея для некролога: "Музыкант утонул в дерьме, пытаясь спасти гитару. Коллеги обещают написать песню.»»

Поднял голову:

— Ну зачем же так жестко? Разве нельзя было просто намекнуть?

«Намекнуть?»— мысль пришла сама собой. *«А сколько тебе ещё намекать?»*

— Так я думал — пронесёт.

«Не пронесло».

Стадия четвертая: Депрессия.

Сел на ступеньку. Мысли разбегались, словно я объявил общую репетицию, а они — за пивом.

Я остался без штанов в прямом и переносном смысле.

Кинул взгляд на брошенную одежду. Штаны были. А вот всё остальное... Увы.

«Серж бы уже что-нибудь придумал. Очередной безумный план, который у него почему-то србатывает».

Но его нет. Никого больше нет.

Стадия пятая: Принятие.

Закурил. Облокотился на стену и закрыл глаза.

А ведь я не чувствую ничего, кроме странного, почти неуместного спокойствия.

Наверное потому, что это был не первый раз, когда всё шло по... скажем, не по плану.

«Баркентина», правда, теперь там — на дне. Этот корабль пережил не один шторм, прошёл рифы. Надо же, а затонул в тихой гавани.

«Баркентина Кейф». Это я так называл группу. В Якутии. В туалете аэропорта.

Воспоминания понесли меня далеко-далеко. На другой конец страны. Лет на тринадцать назад.

Именно там началась наша рок-соната.

Это было громко, больно и смешно.

Открыл глаза. Вода стояла на месте. А я уже был не здесь.

Ветер тронул лицо и донёс обрывок фразы: *«С детства я люблю природу».*

Riff №1: Игнат. Или долгое ожидание старта.

— *Какие у тебя странные друзья, Дороти.*

— *Пока они друзья, их странности не имеют значения.*

(Лаймен Фрэнк Баум, «Путешествие в Страну Оз»)

Осень 1997. Город, в котором даже дождь был лишним.

— С детства я люблю природу... — Игнат мечтательно закатил глаза к потолку.

Эта же фраза была написана в тетради перед ним. Одна фраза.

— Ага, — тут же встрял я. — Сажал деревья, поливал цветы.

— А что? — Игнат резко выпрямился и ткнул в меня пальцем. — Подходит! «Поливал цветы, деревья», — он схватился за ручку. — Так и напишем!

— Стоп, стоп, стоп! — я выставил перед ним ладонь. — Чем поливал? Даже боюсь представить. Плоско и скучно. Неинтересно.

Игнат запустил руку в черную, жесткую, как проволока, шевелюру. Почесал — и она встала дыбом, будто по ней пробежал разряд тока. Уставился в тетрадь и задумался.

Я — тоже.

— Поливал цветы... поливал цветы... — бормотал я. — Вот прицепилось. Хотя... — привстал, перечитал написанную фразу. И озвучил: — Поливал цветы из лейки.

Мы переглянулись. Игнат потянул длинным носом — такой мог принадлежать испанскому гранду, если бы они носили свитера и пахли сигаретами «Прима».

— Так, вроде, лучше, — сказал он, приплюсываясь к фразе.

Вдруг его глубоко посаженные глаза прищурились, словно он придумал гениальную идею и оценивал, насколько она безумна. Потом навис над тетрадью и, прежде чем я успел спросить, что случилось, застрочил, повторяя вслух:

— Но сравнится разве может что-то с красотой твоей.

Его вытянутое, угловатое лицо, с выделяющимися скулами — расплылось в довольной ухмылке:

— Всё. Есть образ! Забавная... хм, параллель получается.

Я пододвинул к нему пустую рюмку.

— Наливай, Лермонтов.

Что это было? Да ничего особенного. Мы пишем новую песню. Зачем? Потому что мы рок-музыканты. Почти.

Примерно полгода назад, Игнат, с его вечным энтузиазмом и неуёмной энергией, предложил создать группу.

— Песни у нас есть, — размахивал он тогда руками. — Популярность, деньги, девчонки — всё будет наше. Я уже знаю, кого подтянуть на соло гитару.

— Кого?

— Есть один. Музыкалку по классу гитары закончил.

— Я думал ты будешь соло? Вон какие хитрые аккорды берёшь. Как ты их только придумываешь?

— Не придумываю. Это аппликатура. Поэтому я на ритме.

— А я?

— А ты на басу, — воодушевленно сообщил он.

Я возмутился:

— По остаточному принципу что ли?

Бас казался скучным инструментом. И непонятным.

— А на чём? — спросил Игнат.

На басу я играть не умел. Знал только, что у него четыре струны. На одну больше, чем у балалайки. На две меньше, чем у обычной гитары.

Арифметика была на моей стороне.

Владению гитарой я уступал Игнату, а уж тем более тому из музыкалки. Оставался бас.

Логика — на стороне Игната.

— Ну? — теперь дергал я его. — Когда следующая репетиция?

Последняя, она же первая, была давно.

У дипломированного гитариста не получалось — то одно, то другое. Короче, не тянуло его на рок-подмостки. А мне не терпелось понять хотя бы суть баса.

— Не спешим, — говорил мне Игнат. — Качество важнее скорости.

Качества не было вообще. Зато было другое — чувство, что мы на пороге чего-то большого. Чего именно — ещё не знали. Но порог был приятный, и мы топтались на нём с удовольствием.

Как-то, столкнувшись с Игнатом у подъезда, он спросил:

— Хочешь со мной на урок?

— Урок? Какой?

— По фортепьяно.

— Не понял? Ты же гитарист.

— Я не гитарист. Я музыкант и получаю образование.

— Так же как в школе?

В своё время, его выгнали из двух школ. Вечерняя — тоже выгнали. Речное училище — дотянул до второго курса. Зато армия — от звонка до звонка.

Игнат замялся.

— Да конечно, пошли, — не раздумывая ответил я. Это зрелище нельзя было пропустить. Сначала было скучно.

— Садитесь, Игнат, — преподаватель поздоровался с нами за руку. — Покажите, что выучили.

Мой товарищ сел, выпрямил спину, положил руки на клавиши. Принял вид примерного ученика, каким никогда не был.

И заиграл.

Та-та-та. Та-та-та. Та-та-та.

Я прислонил голову к стене.

— Хорошо. Продолжайте в том же духе, — кивнул преподаватель. — Я сейчас вернусь.

Игнат выдержал ровно три секунды.

Спина сгорбилась. Он навис над бедным инструментом. Появился хищный оскал человека, который только что дорвался до игрушки. Пальцы ударили по клавишам, и из него полилось:

Дело было в ресторане, где менты висят.

Взяли Маню на кармане — фраернулася.

Платье белое в горохах, опер молодой

Шепчет ей: «Скажи, где Лёха. Отпусти домой»

Я аж подскочил.

Не просто блатной мотивчик. Музыка — дерзкая, живая, с характером. Игнат не играл — он рассказывал историю.

Через минуту вернулся преподаватель. Посмотрел на Игната, на меня. С сочувствием взглянул на пианино, которое, казалось, еще вибрировало от пережитого.

— Что вы играли?

— Арпеджио, — честно ответил Игнат. — Только с душой.

Педагог молчал. Думал. Потом вздохнул.

— Будем учить правильные арпеджио. Те, которые без души.

— Зачем?

— Затем, что сначала надо знать правила. А потом их нарушать.

Игнат сел прямо. Надел маску примерного ученика.

Та-та-та. Та-та-та. Та-та-та.

Правильно. Скучно. Без души.

Пальцы скользили по клавишам широкими интервалами. Кожа рук была бледная, с синеватым отливом там, где проступали татуировки.

А проступали они везде. Игнат был сплошь покрыт «партаками» — результатами ночных посиделок, пьяных споров и внезапных озарений.

И на груди, и на плечах, и на спине, и на руках.

Забита жопа, ноги, пах. И на тебя наводит страх.

Моя. Татуировка.

— Это мой архив, — объяснял он. — Я жизнь на коже ношу.

— Удобно.

— А то! Потерять невозможно.

Мы с ним были братьями по несчастью. У него — галерея, у меня — один экспонат, но все — шедевры наивного искусства. Правда, мне мой шедевр давно уже не нравился.

— Хочешь, исправлю? — предложил Игнат.

— Как?

— Что-нибудь придумаю.

Это «что-нибудь» меня насторожило, правда я тут же забыл. А зря.

Совсем скоро Игнат ворвался ко мне будто только что понял, как сделать рок-н-ролл бессмертным. В руках был сложенный вчетверо листок.

— Смотри! — протянул его мне.

Я развернул.

Круг. Ровный — не от руки — циркулем. Тщательно заштрихованный.

— Э-э-э... — протянул я, подбирая слова. — Красиво. А что это? Круг?

— Это не круг, — в голосе Игната прозвучала нотка торжества. — Это — шар.

— Хорошо, — я пожал плечами, пытаюсь переварить эту революционную мысль. — Пусть будет шар. Но для чего?

— Ты же хотел избавиться от... — он кивнул в сторону моего плеча, где под футболкой томился образец наскальной живописи. — Так давай сверху набьём этот шар!

Перед глазами живым примером маячила рука Игната с набитым на ней щитом.

— Хм, — я начал думать, как мне выкрутиться. — Знаешь, это ничего не изменит. Шар будет просто кругом на руке.

Игнат посмотрел с видом оскорблённого гения.

— Ты не понимаешь, — громко зашептал он, и в голосе прорезались менторские нотки. — Шар — идеальная геометрическая фигура. Это же... философия!

— А-а-а, тогда понятно.

Пришлось задуматься: *«Как же донести до друга элементарные законы геометрии?»*.

— Но ведь на руке он будет как круг! Понимаешь? Просто... круг.

Игнат заерзал. Мои приземлённые аргументы начинали пробивать брешь в его идеалистической теории шаров. На лице отражалась борьба гениальной идеи с суровой реальностью.

— Но ты же можешь считать его шаром? — спросил он с надеждой в голосе. — Абстрактно?

Я вздохнул.

— Игнат, хоть обоб.. обаб.. Тьфу. Обабстрагируйся — не могу. Извини.

Он демонстративно сложил листок и убрал в карман.

— Смотри сам. Я хотел как лучше.

— Ценю, — примирительно сказал я. — Но лучшее — враг хорошего.

Думал, все. Тема закрыта. Но нет. Дня не прошло. Игнат снова извлек листок:

— Вот.

Круг оброс деталями.

— Солнце? — удивился я.

— Шар, — поправил Игнат. — Как хотел — с объёмом. Лучи создают иллюзию сияния. Сияние — это уже энергия, а энергия, сам понимаешь, — он сделал многозначительную паузу, — она объёмная.

Да уж. Во вселенной Игната законы физики писались под конкретную задачу.

Я ещё раз посмотрел на рисунок.

Солнце.

— Слушай, — вдруг осенило меня. — А если лучи изогнуть? Сделать, как языки пламени.

— Гениально! — воскликнул Игнат и перевернул листок на чистую сторону.

Через минуту продемонстрировал результат.

— Ничего себе, — протянул я. — Вот это уже — энергия, жизнь.

Игнат сиял. А меня понесло:

— Ниже мы с тобой рисуем Змею!

— Змею? — мой товарищ от удивления замер.

— Да! Представь: вверху — пламя, жизнь, энергия... А внизу — мудрость, древность, вечное движение.

— Это же будет... — Игнат задумался, подбирая слово.

— Эпично! — закончил я за него.

В этот момент мы были творцами. Философами, чёрт возьми!

Из старой электробритвы и заточенной гитарной струны, Игнат соорудил аппарат, который гордо назвал «тату-машинкой». В качестве краски — обыкновенная чёрная тушь.

— Игнат, давай хоть пасть змеи сделаем красной.

— Не получится. Краска сходит. Я пробовал.

— Жаль. А как же делают цветные тату?

— Я слышал, — осторожно начал Игнат, — что китайцы для красного используют голубиную кровь. Попробуем?

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Говорят, цвет держится веками. Натуральный пигмент.

Я представил, как он гоняется по двору за голубями. Картинка выходила забавной.

А потом вспомнил интервью Оззи Осборна, на которое тот пришёл с голубями и одному из них откусил голову. Теперь я представлял Игната, который держит бедную птицу в руках и хищно смотрит на неё с творческим вдохновением.

— Знаешь, — я положил руку ему на плечо, — давай-ка обойдёмся лучше без красного.

Он засопел:

— Уверен?

— Ещё как.

Через несколько дней тату было готово. Вернее, партак на полруки.

Тебя хватил такой мандраж, что улетучилось вино.

И, забыв какой этаж, ты сиганула вдруг в окно.

Еще мелькал твой белый зад, когда я вышел на балкон.

И как ты думаешь, я рад, что наколол такой облом.

Моя. Татуировка.

Хорошо ещё, что она была не на виду, иначе чуть большее внимание со стороны органов правопорядка мне было бы обеспечено — время такое.

А сталкиваться с ними приходилось, хотя... ничего особенного. Просто, например, с одним товарищем обмыли машину, с другим... ха — другой отмечал полгода супружеской жизни. Причем так активно, что я сбежал в другую комнату спасать организм. Однако перед этим успел шепнуть Игнату:

— Идём со мной.

— Зачем? Хорошо же сидим.

Посидели хорошо, а вот до дома не дошли. Патруль. Документов нет. Медвытрезвитель.

Врач осмотрел меня:

— Его-то зачем привезли?

— Так они вместе были, — пожали плечами патрульные, кивнув на Игната.

А он стоял, держась за косяк двери, и пытался сфокусировать взгляд на табличке «Медвытрезвитель №1». Получалось плохо.

Моя тактика сойти с дистанции сработала.

— Ты — домой, — сказали мне.

— А отвезти на место незаконного задержания? — возмутился я.

— Что?

Тут остатки паров алкоголя ударили в голову:

— Значит так! Я еду домой вместе с другом. Или остаюсь здесь!

Сотрудники благородного порыва не оценили. Меня скрутили. Я начал материться, потому что было больно. Я имел на это право. За это был закован в наручники и отправлен в отдел, как хулиган. *«Не знаю, что лучше. Хулиган или пьяница?»*.

Там скучал в компании собственных мыслей и голых стен, пока не вызвали к дежурному следователю.

— Везут всех подряд, кто под руку попал, — сказал он и выписал штраф.

Я снова был отправлен на свободу. Опять без Игната. В этот раз решил обойтись без бунта. Смысл?

На улице было холодно, пусто и темно. А ещё ни одной идеи, как теперь добираться. Общественный транспорт не ходил. Район незнакомый. Я побрёл в сторону многоэтажек — других ориентиров всё равно не было.

— Извините, не подскажете, как отсюда выбраться? — спросил у мужика, который прогревал машину. — Я тут заблудился... немного.

Он окинул меня взглядом. Видок, надо признать, был тот ещё: легкое амбре, помятый, без шапки, руки в карманах пальто.

— Ты откуда такой красивый? — спросил мужик с любопытством.

— Долгая история. Из отдела. — Я махнул рукой за спину.

— А чего один? Друга там оставил?

— Не, — расплылся я в улыбке. — Друг в вытрезвителе.

Мужик открыл дверцу машины:

— Садись. А то замёрзнешь тут.

Я опешил.

— Садись-садись, — повторил он. — Не каждый день таких героев встречаю. Заодно поведает, как до жизни такой докатился, что по вырезвителям и ментовкам шатаешься.

Машина тронулась:

— Куда едем?

Я назвал район. Мужик кивнул, врубил печку на полную:

— Ну и как оно там, внутри?

— Где?

— В обезьяннике.

— Холодно, — честно признался я.

Он расхохотался. а потом сказал:

— Бывает. Я в молодости, приходилось, всякого навидался. Главное, чтоб без последствий.

Довёз меня почти до дома. От денег отказался, их всё равно не было, а на прощание сказал:

— Ты это... друга своего не бросай. Даже если он дурак. Друзья на дороге не валяются.

Я вышел из машины, хлопнул дверцей и какое-то время смотрел вслед красным огонькам.

Нам казалось, что мы просто дурачимся. Наивная, странная возня — как наши первые песни. Мы строили свой музыкальный дом из того, что было под рукой. Он получался кривым, но нашим.

А потом пришёл Серж и принёс чертежи.

**Riff №2: Серж. Или как одно
объявление может перевернуть жизнь.**

— *И сегодня у*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.